

«кровавый» оттенок именно поэтому у Державина «красная заря, пурпур, огнисты и розы пламенны, горя, катятся с падением вод», именно поэтому «брег» ключа становится «багряным», а луч солнца, катящегося «с небес», загорается в «кристалле» его вод. Сама природа заменяет кровавую жертву у Горация на бескровную у Державина, но связанную все же с ее смыслом и цветом, как и вино заменило ее в причастии у христиан. Подобно им, поэт приходит к ручью «вкусить» воды, т. е. причаститься к крови поэзии, которой жаждет, «сгорая страстью». И если в оригинале Горация (в отличие от Боброва) непонятно, кто именно будет венчать цветами и смешивать с вином «целебные струи» ключа Бандузии, то в тексте Державина сам «Гребеневский ключ» «кропит перлами цветы», сам «являет лицо небес», а следовательно, и «поит водой стихотворства», как Христос «поит кровью-вином» христиан.

Надо также учесть, что само это «причастие» введено поэтом в довольно сложный семантический ряд. Вернемся к началу оды:

Седящ, увенчан осокою,
В тени развесистых деревьев,
На урну облегшись рукою,
Являющий лицо небес
Прекрасный вижу я источник

В рукописи, преподнесенной автором Екатерине II, можно увидеть, что персонификация ключа исполнена А. Н. Олениным именно над этой строфой в виде того же старика Хроноса, на котором кончается «Явление Аполлона и Дафны на Невском берегу», упомянутое выше.⁴⁷ Но читатель, не посвященный в рукописное наследие автора, может понять значение первой строфы и так, что в ней Державин представляет образ самого себя, сидящего, облокотившись «на урну рукою»; во всяком случае, сложный синтаксис этой строфы неоднозначен и дает возможность для такого прочтения.

Эта полиморфность значения явно запланирована автором: он надеется, что, после того как, «сгорая стихотворства страстью», он сможет «вкусить воды» ключа, его мысль *сравнится* в песнях с «чистой струею» ключа, а лирный глас — с его стремлением. Другими словами, в представлении Державина он сам станет аналогом ключа «в виде Старца, источающего из урны воду». Если такое сравнение происходит пока только на имплицитном уровне, то в АП взаимосвязь образа старца и поэта более обнажена. Причем это не обязательно старец Хронос, «источающий из урны воду времени», это также, и даже чаще, старец, опьяненный влитым в него огнем любви, который ему приходится источать, как, например, в стихотворении «Горячий Ключ», (некоторого рода антипод

⁴⁷ В заставке — старец в венке из осоки, опирающийся на урну, из которой вытекает вода.